

НОВЕЛЛЫ О ЦАРЯХ В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА: ПОЭТИКА, ОБРАЗЫ, СЮЖЕТЫ

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск

Аннотация. В статье рассматривается проблема поэтики в «Истории» Геродота на примере новелл о царях. Целью исследования было уточнение поэтического характера фольклорных логосов о царской власти «Истории». На основе существующих исследований и поэтического анализа новелл о царях подчеркнуты и выделены такие общие мотивы, как подлинное счастье, гордыня, божественная зависть и возмездие, мотив мудрого советника. Сделан вывод, что общность образов и сюжетов в новеллах о Кире, Крезе, Поликрате, Дарии, Ксерксе, свидетельствует о художественно-поэтической обработке Геродотом этих историй. Удалось также проследить применение Геродотом таких поэтических приемов, как перипетия и узнавание.

Abstract. The article deals with the problem of poetics in The Histories of Herodotus driven by examples of logoi about kings. The purpose of the study was to clarify the poetic nature of the folklore stories about kings in The Histories. Based on existing research and poetic analysis of kings' logoi, such motives as eudaimonia, hybris, gods' phthonos and nemesis, the motive of a wise adviser were emphasized and highlighted. The conclusion was made that the prevalence of images and plots in stories about Cyrus, Croesus, Polycrates, Darius, Xerxes may indicate the artistic and poetic adaptation of these logoi by Herodotus. The use by Herodotus of such poetic mediums as peripeteia and anagnoresis was also observed.

Ключевые слова: Геродот, История, поэтика, царь, Кир, Крез.

Key words: Herodotus, the Histories, poetics, king, Cyrus, Croesus.

Геродот Галикарнасский (484–425) совершенно справедливо прозван отцом исторической науки. Хотя, конечно, всеми учеными признается, что «История» очень далека от статуса собственно исторического исследования (и такое высокое требование едва ли предъявляется Геродоту), этот труд все же с известной долей критики рассматривают, в первую очередь, именно как трактат. Усилия историков при работе с «Историей» концентрируются на попытках отделить правду от вымысла и искажения, которые, как известно, имеют место. Между тем, на наш взгляд, зачастую несправедливо остается без должного внимания поэтическая составляющая этого литературного памятника.

Науке хорошо известны источники Геродота: 1) автопсия; 2) письменные данные документов и эпиграфики; 3) устные данные опрашиваемых Геродотом [5, с. 36]. Если об автопсии Геродот говорит нам сам, то о последних двух источниках свидетельствуют характерные стилистические признаки, естественным образом отпечатавшиеся на тексте памятника.

Систематическая работа Геродота с документами не подвергается сомнению. Об этом нам, в первую очередь, говорит обилие в «Истории» списков (напр., I.101, 125; II.166; VII.61-99) и «инвентарных» перечней (напр., I.14, 50-52; II.62; IX.80, 82). Детальное перечисление рек, сатрапий, жертвенных предметов, состава войск с подробными (пусть и не точными) количественными и качественными характеристиками – все это никак не свойственно устной традиции.

Геродот явно полагает своим долгом сообщить все увиденное и услышанное, в том числе те версии, с которыми он сам не согласен или в которых сомневается (напр., IV.42; I.173), что еще раз подтверждает его статус как прародителя исторической науки. «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (VI.152).

В изложении «всего, что рассказывают», раскрывается и вторая сторона «Истории» – новеллистическая. Подлинным источником повествовательного стиля Геродота является именно историческая новелла, порождение местного фольклора: сага, легенда, рассказ, анекдот – словом, все то, что сам историк называет словом λόγος. Вместе с этими новеллами на страницы «Истории» перенесли и их характерные черты: прямая речь, характеристика персонажей через их поступки, конкретика, наглядность, наличие главного героя и т.д. [3, с. 65].

Между тем, если стремление Геродота к исторической истине относительно доказано [5, с. 44–48], то проблемным моментом остается факт художественно-поэтического осмысления историком транслируемых сюжетов.

¹ Научный руководитель – Саидов Зиявудин Абасович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского государственного педагогического университета.

Еще Аристотель в трактате «Поэтика» писал: *«Именно историк и поэт отличаются не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей – как с метром, так и без метра, но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история – об единичном»* (Aristot. Poet. 1451b).

Для мыслителя классической античности, конечно, история пока что представляется именно логографией единичных фактов и не может содержать в себе никаких общих человеческих проблем. Для Аристотеля рассказ о Кире в «Истории» (и в истории) есть рассказ только об одном конкретном царе Кире II Великом, но не о царе как таковом. Трагедия Креза для мыслителя менее «философична и серьезна» чем трагедия Эдипа, ведь второй придавал форму трагик, пытающийся тронуть сердца зрителей понятным для них страданием главного героя. А ремесло историка, думает Аристотель, состоит в описании лишь единожды свершившихся фактов. Здесь, однако, есть, что возразить.

Аристотель прямо говорит о том, что всякую трагедию или комедию поэтичной делает вовсе не метр, но мера подражания, выраженная метром, ритмом и гармонией (Aristot. Poet. 1447a). В таком случае его отказ «Истории» в поэтичности оказывается не вполне справедливым. Ведь по логике самого же Аристотеля, если изложить трагическую историю прозой, то она потеряет лишь метр, но не свою поэтическую сущность.

Как мы уже указали, в работе Геродота в известной мере отпечатались местный исторический фольклор со всеми его особенностями. А устной словесности часто присущи и наставления, и обилие художественных средств и образов, и, конечно, собственная поэтика.

Помимо того, Геродот – носитель эллинской культуры и мировоззрения. Есть основания полагать, что некоторые λόγοι были несколько обработаны историком для получения нравоучительного – а местами и трагического – сюжета. Основы такого сюжета знал и понимал всякий эллин: порок безмерности, спеси, завистливость богов и неизбежность судьбы.

Цари у Геродота, как это будет видно далее, часто не просто исторические личности, но и главные герои упомянутых сюжетов. Наличие власти, богатства и благородных (или дурных) целей делают царя как литературного героя самого по себе повествовательным средоточием добродетели и порока. Сам образ единоличного правителя позволяет в наиболее чистом виде проследить пороки, свойственные человеку, соvrащенному богатством и властью, увлеченному собственными успехами, и его конфликт с добродетелью и волею судьбы [9, р. 181–183].

Далее везде, где речь будет идти о реальных исторических личностях, они будут разумеются, в первую очередь, именно как литературные герои «Истории».

Среди повторяющихся мотивов и тем «Истории» современные исследователи выделяют следующие: гордыня (ῥβρις); возмездие (νέμεσις) за гордыню; божественная зависть (φθόνος); ошибочное истолкование предсказания божества; мотив наказания потомков за дела предков; неизбежность судьбы (μοῖρα) и подчиненность ей; мотив предостерегающего советника [4], [6, с. 71]. К этому списку, как нам кажется, также следует добавить проблему обретения подлинного счастья (εὐδαιμονία). Это, на наш взгляд, те основные образы и сюжетные мотивы, составляющие тесно взаимосвязанную поэтическую основу логосов о царях в «Истории», о которых далее пойдет речь.

В качестве введения в образ царя в «Истории» уместно привести новеллу о первом мидийском царе Деиоке (I.96–101), где Геродот будто бы решает вопрос о естественном происхождении царской власти.

«Жил в Мидии мудрый (σοφός) человек по имени Деиок, сын Фраорта. И именно потому-то Деиок и был честным (ἰθὺς) и праведным (δίκαιος) судьей, что стремился к царской власти» (I.96). Наряду с лестной с первых строк характеристикой Деиока бросается в глаза утверждение, что добродетелью, определившей все остальные черты справедливого царя, было само страстное желание (ἐρασιθεῖς) стать царем.

За этим следует сюжет буквально «легитимации» власти Деиока. Во-первых, несмотря на то, что мидянин прибегает к хитрости, на царствование его все же избирает народ. Он не обманывает мидян и не захватывает власть силой – Деиок, скорее, подталкивает людей к единственно верному и необходимому в данном случае решению (I.98). Во-вторых, стоит обратить внимание, что Деиок оправдывает свой отказ от обязанностей судьи тем, что для продолжения судебной деятельности он будет вынужден пренебрегать личными делами. И затем, когда возникает вопрос, как восстановить порядок и справедливость, народ единогласно принимает решение избрать бывшего судью царем. То есть всем действующим лицам здесь будто очевидно, что царь, в отличие от судьи, никак не может пренебречь общественными делами в угоду своим собственным.

Новелла о Деиоке очень коротка, но она видится нам очень важной. Раскрывается тема узаконения монархической власти [3, с. 135]. К ней Геродот возвращается еще один раз в логосе о споре трех персидских вельмож (III.80-83). Историк устами Мегабиза, Отана и Дария словно сталкивает меж собой демократию, олигархию и монархию. Последняя из этого спора выходит логическим победителем: ведь всякая демократия и олигархия приводит к спорам и распрям. «Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, и затем этот прославленный [вождь] быстро становится единодержавным властителем» (III.82).

Сложно сказать, являются эти новеллы простой трансляцией персидских преданий или же они были обработаны в ключе политической философии Геродота. Можно с уверенностью сказать лишь о том, что обе они в значительной мере эллинизированы, о чем нам говорит обилие греческих понятий [3, с. 136]. Поэтому мотив узаконения власти царя у нас как бы вынесен за скобки, однако он заслуживает упоминания.

Мотив мудрого предостерегающего советчика становится у Геродота своего рода ключом ко всем остальным сюжетным темам в историях некоторых царей; это действительно излюбленный историком образ [6, с. 72]. Во время визита у Креза Солон ставит сразу несколько проблем, которые затем красной нитью тянутся через всю «Историю». В первую очередь, речь, конечно, о проблеме личного счастья (εὐδαιμονία), через которую раскрываются затем царские (и вообще человеческие) пороки. Солон утверждает, что нельзя называть человека счастливым (ὀλβιος) до тех пор, пока он не умер, а именовать его можно лишь удачливым (εὐτυχός). «Ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило» (I.96). Но что же может отнять у человека его успех?

Его сопротивление судьбе и божественному космизму мира. Безмерность и спесь – словом, то, что для любого эллина является понятным нравственным пороком, за который положена божественная кара.

Тема гордыни и возмездия вообще достаточно широко распространена в древнегреческой литературе и мифологии. Гордыня-ὑβρις по весьма точному определению И.Е. Сурикова – это «дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка» [7, с. 32].

Явный пример вызова божеству и судьбе является истолкование двусмысленных пророчеств и снов в свою пользу. К оракулам, к слову, Геродот испытывает несомненное уважение. Хрестоматийным является пример Креза, который оба раза трактует слова прорицателя в свою пользу. «...если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство» (I.53), – конечно, Крез полагает, что речь о царстве персов. А слова «Коль над мидянами мул царем когда-либо станет» (I.55) лидийский царь понимает прямо, не догадываясь о том, что под мулом имеется в виду сын перса и мидянки – царь Кир.

Неверно истолкованный сон впоследствии вскрывает страх и самого Кира о своей власти, ведь на пике своего могущества он убежден, что будет свергнут Дарием. Двумя главными причинами похода на массагетов Геродот называет возвысившееся над человеческим самомнением Кира (τὸ δοκεῖν πλεον τὴ εἶναι ἀνθρώπου) и до сих пор сопутствующую ему в войнах удачу (εὐτυχίᾳ) (I.204). Здесь мы также видим несомненное проявление ὑβρις.

Второй стороной ὑβρις царей является их безмерность (в сущности, качество, обратное σωφροσύνῃ). Отсутствие меры буквально во всем (во власти, в богатстве и даже в той самой удаче-εὐτυχίᾳ) вызывает у Геродотова божества зависть (φθόνος). «Всякое божество завистливо [ревниво] и склонно к разрушению» (I.32).

При чем даже в том случае, когда человек осознает свою безмерность, внимает советам мудреца, ничто не может уберечь его от собственной судьбы. Таков сюжет и о царе Самоса Поликрате, чрезмерные успехи которого встревожили Амасиса. Фараона беспокоило то же самое, что и Солон и Артабана: счастье не может сопутствовать вечно; безмерная удача разгневет богов. Поликрат внял совету друга и распрощался с самым драгоценным и любимым кольцом, которое затем вернулось к нему в пойманной рыбе, а сам царь погиб недостойной смертью (III.40-43, 125).

Своего рода точкой невозврата становится момент пересечения царем условной водной границы. Переход Крезом Галиса, Киrom Аракса, Дарием Дуная, Ксерксом Геллеспонта – все это те моменты, после которых удача покидала царей. В историографии отмечено предположение, что это связано также с божественным характером восприятия водных границ, нарушение которых тоже можно трактовать как безмерность [4; 6].

Дария и Ксеркса аналогично пытался убедить не переходить Дунай и Геллеспонт советчик Артабан, фактически вторя Солону и затрагивая все упомянутые мотивы. Снова утверждается безвластие над собственной судьбой: каким обдуманым бы не было решения Ксеркса, если ему уготовано роком потерпеть поражение – так оно и будет. «Напротив, тому, кто принял плохое решение, может, если судьба к нему благосклонна, выпасть даже неожиданное счастье, но,

несмотря на это, решение остается не менее плохим. ...перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти божества» (VII.10).

Так или иначе, всех возгордившихся, безмерных и вызвавших зависть у богов судьба карает возмездием (*vêmeis*). Ибо все перечисленное есть нарушение эллинского божественного порядка, космоса. Итак, круг судьбы завершается тем, что всякий царь, безмерный и гордый, терпит неудачу, и остается несчастным.

Все эти сюжеты подводят нас к явному выводу о неизбежности судьбы, которая тем более наказывает всякого, кто пытается ей противиться. Не уберегает даже мудрый советник. И даже наученный своим несчастьем Крез, предупреждающий Кира о том, что удаче свойственно покидать своих любимцев (I.207), не только не спасает персидского царя от его неизбежной гибели, но сам становится ключом к ней.

Таким образом, можно предположить, что Геродот, поэтически связывая единой сюжетной структурой новеллы о гордых царях, демонстрирует нам своего рода этическое и, вполне возможно, политическое нравоучение. В его основе лежит, с одной стороны, вопрос о власти человека над собственной судьбой, а с другой – проблема подлинного счастья. Несчастье, потеря удачи – это и есть своего рода возмездие богов возгордившемуся, не знающему меры.

На мысли о том, что такой поэтический вид новеллам придал сам Геродот, нас наталкивает тот простой факт, что вышеупомянутых советчиков попросту не могло быть. Солон никак не мог видаться с Крезом, так как жил несколько раньше. А Крез, в свою очередь, скорее всего погиб при штурме Сард и никак не мог давать советов Киру и Камбису. Очевидно, историку был нужен *понятный читателю образ* мудреца. Если о Солоне, наверняка, знал каждый грек, то образ Креза, судя по всему, Геродот соткал самостоятельно, проводя мысли об удачливости, счастье и неизбежности судьбы через логосы о царях [10, р. 50]. То есть историк в какой-то мере пренебрегает достоверностью отдельных фактов в угоду определенной общей теме. А ведь это как раз то, в чем Геродоту отказывает Аристотель.

Логосы о несчастьи Креза, Кира и многих прочих царей в «Истории» сопоставимы с трагедией Софоклова Эдипа. Персонажи эти, зачастую даже движимые благой целью, не в состоянии противостоять воле судьбы и страдают как будто ни за что. Как справедливо заметил И.Е. Суриков, трагедия Эдипа есть не трагедия вины, но трагедия Рока [7, с. 27].

Утратив свои богатства и власть, Крез, подобно Эдипу, ослепши «прозревает»; стоя на костре перед Киrom, он вспоминает Солона, ведь счастье его оказалось зыбким и ложным, как и предрекал мудрец (I.86). Волею божества лидийский царь был наказан за спесь, лишившись своей удачи, и лишь его же волею он был спасен. Происходящее перевернулось к противоположному; успех обернулся неудачей, а пророчество о гибели великого царства оказалось предназначено Лидии.

И, что самое интересное, под один из поэтических приемов, описанных Аристотелем, прямо попадают сюжеты о царях в «Истории». «Перемена происходящего к противоположному» (Aristot. Poet. 1452a), – так Аристотель определял перипетию (*περιπέτεια*) в сюжете. В трагедии за ней всегда следует узнавание (*ἀναγνώρισις*), момент прозрения. Философ в «Поэтике» дает в качестве примера перипетии и узнавания трагедию Софокла «Царь-Эдип». На наш взгляд новеллы о царской власти в «Истории» (особенно логос о Крезе) также является примером этого поэтического приема.

Итак, если Геродот действительно приложил руку к сюжетной обработке фольклорных историй, то он явно стремился подбирать наиболее понятные и рафинированные образы некоторых персонажей, чтобы пороки и добродетели их выступали наиболее явно: если человек, соvrащенный безмерностью и гордыней, то богатый и властный монарх; если мудрый советник, то философ и политик Солон и т.д. Образ царя в этой поэтической системе занимает особое место, воплощая в себе общечеловеческие проблемы счастья, гордыни, безмерности и возмездия и словно вступая в вечный диалог о власти над собственной судьбой. Сюжетам фольклорных логосов был придан ясный эллинистический вид. Пусть сюжеты эти местами будто бы стихийны и неравномерны (новеллы о Крезе и Кире вне сомнений являются наиболее проработанными из всех) и уж тем более далеки от уровня Софокла или Эсхила, все же, на наш взгляд, в них есть место поэтическим приемам и художественной образности.

Литература

1. Аристотель. Поэтика / пер. В.Г. Апеллерота под ред. Ф.А. Петровского // Поэтика. Риторика. М.: Лабиринт, 2000. С. 149–181.
2. Геродот. История: в 9 кн. / пер и прим. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. А. Утченко; ред. перевода Н. А. Мещерский. Л.: Наука. 1972. 600 с.

3. Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль у Геродота. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1957. 201 с.
4. Сапогов А.С. Кир и Крез у Геродота: проблема пересечения водных границ // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 23. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=23751> (Дата обращения: 01.04.2022).
5. Соболевский С.И. Геродот // История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т.2. С. 28–69.
6. Суриков И.Е. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: Мир прошлого в современном освещении: Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / Под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 67–82.
7. Суриков И.Е. Чему учила «диалогия» Софокла об Эдипе? // Hypothekai: Журнал научных статей по истории античной педагогической культуры. 2018. № 2 (2). С. 17–33.
8. Чугунов А.А. Царь Крез и его место в «Истории» Геродота // Исследования молодых ученых: материалы IX Международной научной конференции (г. Казань, апрель 2020 г.) / под ред. И.Г. Ахметова и др. Казань: Молодой ученый, 2020. С. 33–34.
9. Gammie J. G. Herodotus on Kings and Tyrants: Objective Historiography or Conventional Portraiture? // Journal of Near Eastern Studies. 1986. Vol. 45. No. 3. P. 171–195.
10. Kindt J. Delphic Oracle Stories and the Beginning of Historiography: Herodotus' Croesus logos // Classical Philology. Chicago, 2006. Vol. 101. P. 34–51.